

Петербургские судьбы

*Анна Анатольевна Забельская,
журналист*

Жизнь для ближнего

К 150-летию со дня рождения князя А. Д. Львова

Весной 1926 года в «Красной газете» появилась маленькая заметка под заголовком «Ценные книги — на обертки. 800 пудов литературы на рынке»:

«На Александровский рынок, неизвестно каким путем, попала ценнейшая русская и иностранная литература, по мнению академика С. Ф. Платонова, принадлежащая б. вел. кн. Константину Павловичу. Даже по неточному определению, этой литературы на рынке имеется

около 800 пудов. Академия наук случайно натолкнулась там на книгу — учебник XVIII столетия, принадлежащую перу учителя Петра I — токаря Андрея Нартова. Книги в прекрасных переплетах, стоящие каждая не менее 3—5 руб., распродают по 50—60 коп. и идут на обертки. Как книги попали на рынок и чьих рук это дело — совершенно неизвестно».

В среде ленинградских, да и московских библиофилов эту новость восприняли как сенсацию — на многих книгах стоял вензель «СР» — «Czar Paul».

Ленинградский библиофил С. А. Мухин 20 декабря 1927 года выступил с докладом, посвященным этому событию, в городском обществе библиофилов, а в 1929 году его доклад был издан в количестве 100 экземпляров в виде тоненькой книжки, называвшейся «Судьба одной библиотеки». Книжечка была прочно забыта, а посему, когда вновь всплыло из тьмы забвения имя одного из создателей Императорского Российского Пожарного общества (ИРПО), князя Александра Дмитриевича Львова, никто не мог точно сказать: как же сложилась его судьба после революции? Сгинул где-то в Вологде, наверное, был выслан, там и скончался. Или выжил и уехал за границу?

Между тем, именно в тоненькой брошюре С. А. Мухина таилась часть ответа на эти вопросы, поскольку редкие книги принадлежали дочери князя — Александре Александровне, по мужу — Яцко. Но современных биографов А. Д. Львова интересовала только одна сторона его жизни — «противопожарная».

Создал и содержал на свои деньги пожарную дружину в Стрельне, издавал книги по пожарному делу, редактировал журнал «Пожарное дело», короче — «огненный князь». Конечно, если бы князь Львов был великим полководцем или великим преступником, революционером или мракобесом, о нем было бы известно гораздо больше. Но воспитание, убеждения, личные переживания или что-то иное помогло ему еще в ранней молодости понять, что человеческая жизнь уязвима и нуждается в защите. И он избрал стезю спасателя. В самом широком смысле этого слова.

К «Судьбе одной библиотеки» мы еще вернемся, а сейчас пусть расскажет нам о князе Львове более подробно брат Антона Павловича Чехова — Александр Павлович. Он в конце XIX века работал у

Князь А. Д. Львов.

*Источник: Nobless Russe Portraits.
V.4 /Jacques Ferrand. – Paris, 1988.*

знаменитого А. Суворина, в газете «Новое время». Когда сосед князя Львова — граф Александр Дмитриевич Шереметев, создавший пожарную команду в своем имении, в Ульянке, задумал в 1892 году издавать журнал «Пожарный», он пригласил на должность редактора Александра Павловича.

В первом номере «Пожарного» был опубликован рассказ о графе Шереметеве, а во втором — о князе Львове:

«Год тому назад праздновало десятилетие своего существования одно из самых симпатичных частных учреждений. Это — пожарная команда, основанная князем Александром Дмитриевичем Львовым. Находится она в Стрельне, под Петербургом и составляет частную собственность князя. Она обязана своим возникновением его усилиям, энергии и бескорыстной любви к пожарному делу. Команда эта оказала Стрельне немало важных и серьезных услуг; жители этого городка-мызы не один раз были обязаны пожарной дружине князя спасением своих имуществ от огня. Неподдельная благодарность их выразилась во время празднования десятилетия команды. В этот день после молебна была поднесена князю А. Д. масса адресов, сердечных пожеланий и, между прочими подарками — серебряная модель пожарной бочки. Князь очень часто лично командует своей дружиной в борьбе ее с огнем и относится с должным

уважением к своему скромному брандмейстерскому мундиру и медной каске. В воспоминание этих заслуг жителями Стрельны поднесена А. Д. золотая, почетная каска.

Князь Александр Дмитриевич Львов родился 4 марта 1863 года и лично крещен в Бозе почившем Императором Александром Николаевичем.

Князь получил образование сначала домашнее и выдержал потом, в 1883 году, экзамен в Орловском Бахтина кадетском корпусе.

4 сентября 1883 года он был определен почетным членом Стрельнинского братства для ближнего и членом Совета его, состоящего под покровительством Ея Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны. В том же году он был избран попечителем Стрельнинского сельского училища.

Приказом по Министерству Внутренних дел от 10 декабря 1884 года князь А. Д. определен Почетным членом Комитета детского приюта Принца Петра Георгиевича Ольденбургского и с 28 апреля по 4 декабря 1885 года исправлял должность секретаря Комитета.

22 июля 1887 года за особые труды и заслуги по Стрельнинскому братству для ближнего, Всемиловейше пожалован кавалером ордена Станислава 3-й степени; исправлял должность старшего члена Комитета.

В 1890 году построил в селе Железцове, в своем родовом приходе в Перемышльском уезде Калужской губернии каменное здание для народного двухклассного училища, в память события 17 октября 1888 года. Здание это с полною классною обстановкою и учебными пособиями было передано в распоряжение местного училищного Совета. За это пожертвование Государь Император Всемиловейше соизволил искренне благодарить его, князя Львова.

25 декабря 1890 года князь Всемиловейше пожалован кавалером ордена св. Анны 3 степени. По случаю преобразования Комитета детского приюта в Попечительский совет был утвержден действительным членом Попечительского совета. В январе того же 1891 года Совет Императорского Русского Технического общества избрал князя Львова, как инициатора Пожарной выставки, знатока пожарного дела и автора книги «Городские пожарные команды», членом организационного комитета этой выставки.

Государь Император Всемилостивейше соизволил дать согласие на принятие и ношение князем А. Д. Львовым иностранных орденов: пожалованного 11 марта 1891 года великим Герцогом Ольденбургским ордена заслуг Герцога Петра-Фридриха-Людвига 2-й степени, для ношения в петлице, и пожалованного 11 сентября 1891 года Его Величеством Императором Германским Королем Прусским ордена Красного Орла 4-й степени за изобретенный им летучий лазарет.

Знакома читателей нашего журнала с А. Д. Львовым и его безкорыстной деятельностью по пожарному вопросу, мы от души и смело можем высказать надежду, что и дальнейшие предстоящие труды его будут также, как и настоящие, плодотворны на долгие и многие годы».

Антон Павлович Чехов тоже поучаствовал в создании нового журнала советами и ироническими письмами:

«Ал. П. ЧЕХОВУ, 23 февраля 1892 г. Москва.

Пожарный брат мой! Теперь я верю в предчувствия и пророчества: когда в детстве ты орошал по ночам свою постель и потом в отрочестве, кроме орошения, занимался еще тем, что бегал на пожары и любил рассказывать о пожарной команде, бегущей по каменной лестнице, – тогда еще следовало предвидеть, что ты будешь пожарным редактором. Итак, поздравляю. Туши, Саша, пожары своим талантливым пером на шереметьевский счет, а мы будем радоваться.

...Приезжай, Саша! Я помещу тебя в курятнике и устрою для твоего развлечения пожарную тревогу. «Пожарного» высылай по следующему адресу: Ст. Лопасня, Моск.-Курской дороги, А. П. Чехову.

Вчера актер Гарин-Виндинг говорил мне, что хочет послать тебе статью «Пожары театров». Кланяйся своим и будь здоров. В программе журнала вы пропустили отдел: судебные процессы, относящиеся к поджогам и страховым операциям.

Ал. П. ЧЕХОВУ, 21 марта 1892 г., Мелихово. Ст. Лопасня.

Пожарный Саша! Твой журнал получаем и с восторгом прочитываем биографии великих брандмайоров и списки пожалованных им орденов. Желаем, Сашечка, и тебе получить Льва и Солнца...

2-й номер «Пожарного» составлен лучше, чем 1-й. Родственникам твоим весьма лестно, что ты ведешь дело вместе с графом и помещаешь портреты князей. Кланяйся, душенька, их сиятельствам и попроси

у них рублик на братство, душенька. Что мне заплатит граф, если я пришлю пожарный рассказ? Даст 100 руб.?»

Александр Павлович вскоре поссорился с графом Александром Дмитриевичем и ушел с поста редактора «Пожарного», но продолжал дружить с князем Александром Дмитриевичем. К первому Всероссийскому съезду пожарных деятелей России Львов предложил Чехову написать «Исторический очерк пожарного дела в России» и сам издал его — книгу предваряет весьма примечательная надпись: «Издание Председателя литературной секции Всероссийской пожарной выставки и съезда князя Александра Дмитриевича Львова».

Некоторые факты из биографии А.Д. Львова, опубликованной в «Пожарном», нуждаются в пояснениях и дополнениях. Кроме домашнего образования и знаменитого Орловского кадетского корпуса Бахтина, Александр Дмитриевич получил и высшее образование — окончил Санкт-Петербургский Университет. (Стоит заметить, что в списках известных воспитанников кадетского корпуса и выпускников Санкт-Петербургского Университета князя А. Д. Львова нет.)

Домашнее образование получал он зимой в Санкт-Петербурге, где его мать имела дом № 39 на улице Большой Морской, а летом — в Калужской губернии, в родовом поместье отца, князя Дмитрия Александровича Львова (1833–1874). В книге «Списки титулованным особам и лицам Российской Империи», изданной в Санкт-Петербурге в 1892 году, есть запись: «утверждены в княжеском достоинстве с внесением в V часть Родословной книги, князя Львовы... действительный статский советник Александр Дмитриевич и сыновья его: Евгений, Дмитрий, Андрей и Василий».

Дмитрий — отец Александра Дмитриевича, а Евгений — отец Георгия Евгеньевича Львова — будущего главы Временного правительства в 1917 году.

«Калужские губернские ведомости» сообщали 22 декабря 1890 года: «Перемышльский землевладелец князь Александр Дмитриевич Львов в память чудесного избавления государя Императора и Августейшего Семейства Его Императорского Величества от опасности при крушении Императорского поезда 17 октября 1888 года, на собственные средства построил в селе Железцове Перемышльского уезда каменное здание для народного училища с полной классной обстановкой, стоимостью около 10000 рублей, каковое здание, при

освящении его 17 сентября сего года, князь Львов передает в заведывание местного училищного совета. По верноподданейшему о сем докладу г. Министром Внутренних Дел, Государь Император Всемилостивейше повелеть соизволил «искренне благодарить за пожертвование».

О том, что такое «летучие лазареты» лучше всего расскажет сам Александр Дмитриевич. В 1892 году он издал книжку «О полевых летучих лазаретах», которую предварил следующим вступлением: «В 1880 году, в ознаменование 25-летия царствования Государя Императора Александра Николаевича, Главное управление Общества Красного Креста учредило денежную премию за лучшее изобретение, могущее послужить к облегчению страданий больных и раненых воинов. На соискание премии в 1890 году, мною был представлен, под девизом «Для ближнего», проект устройства полевого летучего лазарета, удостоенный почетного отзыва, вследствие постановления Главного управления Общества от 21 февраля 1890 года. Два следующие затем года, я употребил на постройку моделей, или, вернее, пробных лазаретов, на испытания их свойств, стараясь, таким образом, разработать в деталях основание моего проекта. Во всей этой работе мною руководило стремление устранить некоторые несовершенства в существующей организации средств для подания первой помощи больным и раненым чинам армии и для дальнейшего лечения».

Возможно, Львов был знаком с мнением создателя военно-полевой хирургии хирурга Н.И. Пирогова, который писал о том, что главное для сохранения жизни — быстрое оказание помощи раненым. Санитарные обозы, следующие за армией, были медлительны и громоздки, не успевали за войсками, если же и успевали, то долго распаковывались и разгружались. Стоило одной-двум обозным телегам сломаться по дороге — и работа лазарета вообще могла быть парализована, если сломавшиеся повозки везли, например, лекарства или перевязочные материалы.

Львов придумал конструкцию «летучего» лазарета. Нужно было, как он сам писал «расчленив полевой лазарет, на небольшие, вполне независимые друг от друга части, так, чтобы каждая из них могла перевозиться вся зараз на одной повозке какого угодно типа и, вместе с тем, представляла бы собой лазарет в миниатюре, снабженный

всем необходимым как для лечения, так равно и для содержания небольшого числа больных. В палатке, представляющей собою помещение для больных, устанавливается шесть складных коек, служащих вместе носилками для переноски раненых, тут же помещается большой ящик, в котором перевозятся и хранятся медикаменты, перевязочные средства, белье, принадлежности кухни и запас продовольствия. Крышка ящика может служить операционным столом».

В 1890 «летучий» лазарет Львова участвовал в военных маневрах и прекрасно зарекомендовал себя — он не отставал даже от кавалерии и был подготовлен к работе за 20 минут.

«Правительственный вестник» 2 августа 1890 года сообщал: «В среду, 1 августа, Их Величества Государь Император и Государыня Императрица в 10 часов утра посетили Красносельский военный госпиталь... Смотритель госпиталя полковник Смельский представил Его Величеству образец походной переносной палатки-госпиталя. Его Величество выразил свое удовольствие состоянием госпиталя». Правда, русскую армию «летучий» лазарет не очень заинтересовал. Зато, как и упоминается в публикации «Пожарного», лазарет оценил присутствовавший на маневрах Император Германский, Король Прусский Вильгельм II.

Князь верил в свое детище и строил новые образцы (естественно, на свои средства). И не зря. Даже не допущенные на поле брани «летучие» лазареты Львова спасли жизнь десятков людей.

В начале 1890-х годов Российскую империю посетила страшная гостья — холера. Холера не в первый раз появлялась в пределах страны, где мало кто знал о соблюдении простейших правил гигиены, а «холерные бунты» возникали не потому, что народ был недоволен лечением, а потому, что считал врачей обманщиками, которые «придумали» холеру, чтобы травить людей.

Весной 1892 года холера поразила юг России. Петербуржцы поначалу не опасались: власти и газеты убеждали, что Петербургу холера не грозит — климат не тот. Но болезнь распространялась стремительно, и уже к середине лета были зафиксированы первые смерти в столице. Постоянно публиковались в газетах распоряжения Медицинского департамента о «предохранительных мерах против холеры».

Для А.Д. Львова лето 1892 года оказалось сверхнапряженным периодом. 14 июня в зале Педагогического музея открылся Первый Всероссийский съезд русских деятелей по пожарному делу, инициатором которого был князь, а тут еще и эпидемия холеры. В Стрельне случаев холеры было зафиксировано больше, чем в других населенных пунктах Петергофского уезда, по причине плохого водоснабжения и огромного количество богомольцев, приезжавших в соседнее Сергиево, в монастырь.

По просьбе Александра Дмитриевича Стрельнинское Дворцовое правление выделило кусок земли, «на котором, пожертвованиями князя Львова и других местных лиц, устроен был холерный барак и другие строения, а Санкт-Петербургское губернское земство отпустило 300 рублей для приспособления барака к вышесказанной цели». Осенью 1892 года Александр Дмитриевич, «согласно желанию местного населения, жертвовавшего на барак», передал все строения в дар Петергофскому земству.

Благодаря стараниям князя, совершенствовалась работа земских медицинских учреждений не только в Стрельне, но и в других местностях Петергофского уезда. В 1896 году уездное земское собрание констатировало: «Открыт, устроенный еще в 1892 году, на соединенные средства земства и частных жертвователей, барак на 10 кроватей, к нему прибавлен барак складной, летучий, системы князя Львова, инвентарь его, хранившийся с 1892 года, пополнен, а для ведения дела лечения в помощь санитарному врачу, проживающему в Стрельне, приглашен студент V курса Медицинской Академии и назначено 2 фельдшера и один дезинфектор за счет губернского земства. В Мартышкине тоже поставлено 2 барака системы князя Львова с полным инвентарем, медикаментами и фельдшером».

К слову сказать, князь практически всю жизнь был земцем — местным депутатом — гласным земского уездного собрания Петергофского уезда, а осенью 1892 года, на очередном уездном земском собрании 29-летний Александр Дмитриевич был избран председателем Петергофской уездной земской управы. Он был образцовым председателем управы. Через год, 1 ноября 1893 года, уездное собрание «выразило благодарность князю Львову за установку им на свой счет верстовых столбов и указателей дорог, а так же выражена благодарность господам дорожным комиссарам за их труды, причем

князь Львов заявил собранию об усердном участии и содействии волостных старшин и крестьян при постановке верстовых столбов, добровольно ими вывезенных. Гласные от крестьян, со своей стороны, просили занести в журнал выражение глубокой признательности управе и, в особенности, князю Львову за попечение и помощь, оказанные населению при закупке ржи и вообще по продовольственному вопросу».

Решая продовольственный вопрос, Александр Дмитриевич приложил немало сил и средств для снабжения населения и пищей духовной.

В 1896 году уездным земским собраниям Санкт-Петербургской губернии был представлен «Доклад совета Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом обществе, об открытии земских бесплатных народных читален». В то время, как Комитет грамотности только призывал земцев создавать читальни для народа, Петергофская уездная управа не без гордости констатировала, что в уезде этот вопрос уже решается.

«В ознаменование Высочайшего дня бракосочетания Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны, Председатель Управы князь А. Д. Львов, пожелал положить основания сельским библиотекам в 11 волостях Петергофского уезда, для каковой цели заказал соответствующие шкафы и сделал выбор подходящих книг из утвержденного министерством каталога, о чем отношением от 8 марта сего года и заявил Петергофскому Училищному Совету, выразив надежду, что просвещенные члены совета вполне разделят его взгляд на необходимость в дальнейшей поддержке и развитии упомянутых библиотек, которые послужат к распространению грамотности среди сельского населения. Выслушав означенное заявление, Училищный Совет постановил передать его в Училищную Комиссию, которая в заседании 17 октября постановила: в виду имеющейся уже библиотеки-читальни в Копорской волости при училище Министерства Народного Просвещения, на жертвуемые князем Львовым деньги положить основание при школах 10 волостей библиотекам, причем устроить, где позволит место, и читальни. Библиотеки устроить в следующих волостях при школах: в Ораниенбаумской волости – при Броннинском училище; в Ковашевской – при Ковашевском; в Бегуницкой – при Бегуницком; в Губаницкой –

при Губаницком; в Витинской – при Витинском; в Медушской – при Медушском; в Гостилицкой – при Гостилицком; в Ропшинской – при Глядинском. В деревне Капорское, хотя и принадлежащей к Витинской волости, но находящейся в районе Шунгорской волости – при Капорском училище, в Воронинской волости – при Горбовицком училище».

В отличие от своего родственника, Императора Николая II, Александр Дмитриевич был горячим сторонником местного самоуправления. В 1909 году он и другие члены Императорского Российского Пожарного общества (ИРПО) участвовали в Первом съезде «подстоличных» поселков.

В конце XIX – начале XX века петербуржцы: учителя, врачи, рабочие, дворяне, купцы, чиновники, ремесленники в целях экономии начали переезжать на постоянное жительство за город, создавая так называемые «подгородки» или «поселки» – совершенно новые, внесловные, не предусмотренные законом населенные пункты. Насущными вопросами поселков становились благоустройство, водоснабжение, наличие больниц и школ, и не земских – для крестьян, а гимназий, но решать эти вопросы официальные власти не могли.

Проект закона о поселковом самоуправлении много лет пылился в Государственной Думе, которая его так и не приняла. (Только в июле 1917 года, уже Временное правительство, утвердило постановление о поселковом управлении.) Поэтому в поселках создавались добровольные Общества содействия благоустройству. Одно из первых таких обществ появилось в Стрельне в 1896 году.

Желая наиболее широко распространить опыт создания добровольных пожарных дружин, князь не обращал внимания на сословные различия.

Члены ИРПО сотрудничали со специальными изданиями – газетой «Поселковый голос» и журналом «Поселок». Их участие в съезде представителей поселков Санкт-Петербургской губернии было прекрасным шансом для пропаганды мер и средств борьбы с пожарами.

(Кстати, из всей семьи Романовых приветствие съезду отправил только К.Р. – владелец Константиновского дворца в Стрельне, Великий князь Константин Константинович Романов, тоже родственник Александра Дмитриевича).

Напомню, что мать князя Львова — Александра Павловна — была дочерью Павла Константиновича Александрова — внебрачного сына Великого Князя Константина Павловича, брата Александра I. Именно ей, своей дочери, завещал Павел Константинович библиотеку отца. И судьба библиотеки оказалась тесно связана с судьбой нашего героя — князя А. Д. Львова.

В книге «Судьба одной библиотеки» находим упоминания о том, что А. А. Яцко — дочь князя А. Д. Львова, была последней владелицей уникальной книжной коллекции. Но стала ли она ею уже после смерти отца? В фондах Отдела рукописей РНБ есть гранки книги С. А. Мухина с его правкой. Мухин, говоря о князе Львове, указывает только год его рождения, а упоминая об Александре Александровне, вычеркивает слово «наследница» и заменяет его словом «владелица». Если учесть, что Мухин лично знал семью Яцко, то можно предположить, что в 1927 году, когда он делал доклад в обществе библиофилов, а затем писал книгу, Александр Дмитриевич был жив.

Иван Васильевич Яцко, муж Александры Александровны, штабс-капитан 148-го пехотного Каспийского полка, расквартированного в начале XX века в Петергофе, прославился тем, что занимался «потешным войском»: сегодня мы бы сказали — начальной военной подготовкой или скаутским движением. В соавторстве с С. И. Назимовым в 1911 году он опубликовал книгу «Русское потешное войско: история его происхождения и развития». И. В. Яцко наверняка был знаком с князем А. Д. Львовым — Императорское Пожарное общество тоже организовывало военизированные «отряды юных пожарных». Поэтому не удивительно, что дочь Александра Дмитриевича и его супруги Елизаветы Николаевны вышла замуж за Ивана Васильевича Яцко. В 1914 году у них родился сын Константин.

Летом 1918 года бывший полковник Генштаба Яцко поступил на службу в Главное управление драматических театров Петрограда, но уже осенью его призвали в РККА, на Южный фронт. Нарком просвещения А. В. Луначарский, в ведение которого находились театры, пытался воспрепятствовать призыву Яцко в армию, доказывая предреввоенсовета Л. Б. Троцкому, что Иван Васильевич весьма ценный специалист и его призывать не стоит, а уж если и призывать, то не на Южный фронт, а оставить в Петрограде, при штабе. Луначарскому, при помощи комиссара Петроградского военного округа

Б. П. Позерна, удалось избавить И. В. Яцко от Южного фронта, но не от службы. Иван Васильевич отправился на север, в Вологду, в 6-ю армию, которой командовал бывший командир Каспийского 148-го пехотного полка В. М. Гиттис. И. В. Яцко был назначен начальником оперативного управления.

Именно из Вологды приезжал весной 1918 года князь А. Д. Львов на празднование 25-летия Всероссийского Пожарного общества — так называлось после 1917 года ИРПО. (Общество осенью 1917 года объявило «пожары вне политики» и продолжало действовать до ликвидации в 1919 году). Вряд ли Александр Дмитриевич был сослан на север: въезд в Петроград в 1918 году был только по пропускам, так что князь имел на руках некую бумагу, которая позволяла ему беспрепятственно посетить праздничное заседание. К тому же в журнале «Пожарное дело» он продолжал числиться редактором до весны 1919 года — только писался просто А. Д. Львов, без «князя». В 1919 году Пожарное общество было распущено, издание журнала прекращено. Возможно, это было связано со смертью весной 1919 года одного из видных большевиков — М. Т. Елизарова — главного комиссара по страхованию и пожарному делу. Он высоко ценил деятельность общества, руководимого А. Д. Львовым, и в 1918 году приветствовал участников юбилейного собрания, желая им дальнейшей успешной работы и развития.

Между тем, И. В. Яцко продолжал служить в Красной армии: начальником военчасти Петроградского военного округа, затем штатным преподавателем Петроградских курсов действующих родов войск и был включен в списки Генерального штаба РККА от 15.07.1919 г. и 07.08.1920 г. Упоминание об Иване Васильевиче есть и в «Списке лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной армии, составленном по данным к 1 марта 1923 года». В 1921 году он был демобилизован и вернулся на прежнее место работы.

Жили Яцко в Ленинграде на Тверской улице. Библиофил П. Н. Мартынов вспоминал о событиях мая 1926 года: «В связи с продажей библиотеки, в Ленинград приезжал книжник-антиквар Павел Петрович Шибанов, который заведовал антикварным магазином «Международная книга» в Москве. Библиотека была упакована в ящики и с квартиры Яцко на Тверской улице перевезена на

подводах (в то время автотранспорт мало использовался) в подвалы «Международной книги» на Литейном проспекте. Все восхищались этими книгами, но отсутствие средств тормозило приобретение этого собрания. Я доказывал Шибанову: «Павел Петрович, книги-то неплохие, много есть с экслибрисами, надо бы их купить, часть отправить в Москву, а часть оставить в Ленинграде». Он отвечал мне: «Да, Петя, у тебя нюх есть, книги-то неплохие, но у нас кишка слаба, давай-ка укладывать книги обратно в ящики». Таким образом, библиотека была возвращена владельцу, который стал распродавать ее небольшими партиями, подчас даже отдельными книгами». Наиболее ценные книги этой библиотеки были приобретены за бесценок ленинградским антикваром Н. А. Константиновым и проданы за границей. Какую-то часть книг все же купила Библиотека Академии наук.

Яцко продавали книги, видимо, от безысходности. Еще в 1925 году Александра Александровна обратилась в две крупнейшие библиотеки Ленинграда (Библиотеку Академии наук СССР и Публичную библиотеку) с предложением приобрести принадлежавшие ей книги за 3000 рублей, но согласия на покупку получено не было. Иван Васильевич весной 1924 года вынужден был уволиться, вернее, предвосхитил распоряжение Петроградского ОГПУ об его увольнении: бывшие офицеры царской армии уже приравнялись к «врагам народа». (Оба руководителя ОГПУ, подписавшие распоряжение, были расстреляны в 1937 году). Как красный командир, а затем — как просто житель Ленинграда, Иван Васильевич, естественно, заполнял многочисленные анкеты, где обязан был назвать всех родственников, тем более — родственников жены. Что писал он об отце Александры Александровны? Ответ на запрос о судьбе Ивана Васильевича Яцко, отправленный в Государственный исторический военный архив, возможно, ответит на этот вопрос. Сегодня же можно сказать, что родные князя Львова и полковника Яцко испытывали на себе всю изощренную жестокость системы, созданной «эффективным менеджером» и «отцом народов».

С середины 1920-х годов до 1935 года сведений о семье Львовых-Яцко немного. Александра Александровна с сыном, ее мать — Елизавета Николаевна Львова и старшая сестра матери — Елена Николаевна Бейль, живут на Тверской, в коммуналке. В 1928 году Александра

Александровна указывает, что живет «на средства мужа», но в списках жильцов Иван Васильевич не значится.

10 марта 1935 года арестовывают 74-летнюю Елизавету Николаевну Львову: в квартире на Тверской, «по агентурным данным», происходят некие встречи с застольями. На допросе Елизавета Николаевна объясняет, что встречи происходят в комнате племянника И. В. Яцко, живущего в той же коммуналке — Г. Л. Товстоного, кто на встречи ходит и на какие деньги они проводятся — она не знает, сам же И. В. Яцко эмигрировал во Францию «лет десять назад».

— От кого вы получаете помощь из Франции? — спрашивает следователь.

— Я — ни от кого, моя сестра получала два раза от Алисы Вожель, бывшей воспитательницы моей дочери.

— Кого вы знаете из бывших людей?

— Здесь не знаю никого, у мужа была большая родня, но где они сейчас находятся, не знаю, вероятно, разбежались по заграницам.

И ни слова о муже. Где, что, жив или нет — ни слова.

Следствие приходит к выводу, что Елизавета Николаевна и её семья социально опасны, а потому подлежат высылке из Ленинграда в Уфу на пять лет.

Следствие даже проявляет «гуманизм» — до приведения в исполнение постановления о высылке обвиняемую Львову из-под стражи освобождают.

В конце того же марта вся семья приезжает в Уфу. Как они жили там, в незнакомом городе, две старухи, немолодая и уже больная женщина и её сын? «Бывшие люди», социально опасные для советского общества, родные человека, который посвятил свою жизнь спасению ближних. В 1936 году было пересмотрено дело в отношении Константина Яцко, и обвинение с него было снято. Он мог уехать, но остался жить в Уфе. Ненадолго. В списках жертв политических репрессий в СССР в «Книге памяти Республики Башкортостан», есть запись: «Яцко Константин Иванович, родился в 1914 г., Ленинградская обл.; русский; образование неполное среднее; б/п; временно неработающий. Арестован 1 августа 1937 г. Приговорен: обв.: по ст. 58-10, 58-11. Приговор: к ВМН. Расстрелян 28 января 1938 г. Реабилитирован 17 января 1958 г.»

Судьба его бабушки, матери и тетки неизвестна. Елизавета Николаевна была посмертно реабилитирована в 1989 году. Логика абсурда: точные даты рождения и смерти есть в этой семье только у одного человека. У того, которого расстреляли.

Автор благодарит за помощь А. Я. Разумова — руководителя Центра «Возвращенные имена», редактора «Книги памяти “Ленинградский мартиролог”».

1. Красная газета. 1926. 12 мая.
2. *Мухин С. А.* Судьба одной библиотеки. Л.: Издание Ленинградского общества библиофилов, 1929.
3. *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975 .
4. Переписка А. П. Чехова. М.: Художественная литература, 1984.
5. *Львов А. Д.* О полевых летучих лазаретах. СПб, 1892.
6. Отчет Земской управы Петергофского уезда. 1892 г. СПб., 1894–1895 гг.
7. Журнал заседаний Петергофского Уездного земского собрания, 1892–1895 гг.
8. Книга памяти республики Башкортостан. Т. 5. Уфа, 2005.
9. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 5377.
10. ЦГАЛИ. Ф. 260. Оп. 3. Д. 4067.
11. ОР РНБ. Ф. 76. № 70. С. 264.